

ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Даина
РАНЕВСКАЯ

Как
Я была
ПИНКЕРТОНОМ

Так говорила Раневская

Фаина Раневская

**Как я была Пинкертоном.
Театральный детектив**

«Яуза»

2016

Раневская Ф. Г.

Как я была Пинкертоном. Театральный детектив / Ф. Г. Раневская — «Яуза», 2016 — (Так говорила Раневская)

К 120-летию Фаины Раневской. Правду говорят, что талантливые люди талантливы во всем. Вот и Раневская была не только великой актрисой и автором множества знаменитых остроумных афоризмов и анекдотов, но, оказывается, еще и писала замечательную прозу и сама ее иллюстрировала. Этот роман – ее первый опыт в жанре комедийного детектива, ждавший публикации более полувека. В разгар крымских гастролей прославленного театра бесследно исчезает его прима, главная звезда СССР Любовь Павлинова (явный намек на Любовь Орлову, с которой у Раневской были непростые отношения). Что это – несчастный случай или предумышленное убийство? Кто столкнул звезду за борт? И нет ли тут, упаси бог, «политики»?! Ведь Павлинова – любимица Вождя, который собирался лично посетить ее бенефис! Если под подозрением вся труппа, когда бессильны и милиция, и госбезопасность, за расследование берется самая «несносная» и насмешливая актриса театра, которую за ее острый язык вечно держат «на ролях старух» и в которой несложно узнать саму Раневскую. Читайте ее блистательный, язвительный и гомерически смешной «театральный детектив» в лучших традициях булгаковского «Театрального романа» и «12 стульев» Ильфа и Петрова!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Раневская Ф. Г., 2016
© Яуза, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Стервятники питаются стервами...	7
Глава 2. Много в жизни приходится делать добровольно	16
Глава 3. Убить талант обычно куда легче, чем его обладателя	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фаина Раневская
Как я была Пинкертоном.
Театральный детектив

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Вместо предисловия

Этот детектив мог не увидеть свет, если бы не случайность (как часто именно случайность определяет судьбы людей и даже книг!).

В старой московской квартире на антресолях лежали целые стопки пыльных папок. Владелица квартиры готовила ее к продаже и потому расчищала вековые завалы. Доставая бумаги, она не удержала стопку, несколько папок упало. Помощница обратила внимание на пожелтевшие листы с непонятными карандашными закорючками.

– Ой, стенография! Моя сестра в колледже таким занимается. Если вам не нужно, можно я возьму, пусть попробует прочитать?

Хозяйка подтвердила, что ее бабушка когда-то работала стенографисткой и все это рабочие записи, которые потом расшифровывались, превращаясь в печатный текст. Отработанный материал в холодное время шел в печь на растопку, а в теплое вот так складывался про запас. Когда в дом провели паровое отопление, папки забросили на антресоли и забыли.

Сама хозяйка стенографией не владела и что в этих бумагах не представляла. Содержимое оказалось весьма любопытным – это были не только тексты со стенограммой, но и расшифрованные, и даже правленные листы, к тому же обильно «сдобренные» рисунками, и рисунки отдельно на листах или обрывках бумаги.

Но главная загадка – авторство. На папке значилось: «Ф. Г. Р.».

Листы не имели нумерации, были перепутаны и сохранились не все. Чтобы восстановить текст полностью, пришлось расшифровать стенограмму и сопоставить.

Результат оказался ошеломляющим. С первых страниц угадывается автор: кто еще, кроме Ф. Г. Р. – Фаины Георгиевны Раневской, мог посоветовать не в свою лужу не садиться или посотовать, что она такая старая, что сплетни о ее молодости уже перешли в разряд легенд?

И все же сомнения были. Но среди старых фотографий и бумаг хозяйки папки нашлась карточка 1956 года с видом ялтинской набережной, на обороте которой рукой Раневской написано: «С благодарностью, Ф. Г. Р.».

Конечно, на 100 % ручаться за то, что текст принадлежит Фаине Георгиевне, нельзя, но так хочется!

Текст подвергся небольшой литературной правке, и все же в основе лежит черновик.

У некоторых отрывков есть два и даже три варианта.

В конце текста имеется небольшое послесловие с объяснением, кто мог служить прототипами героев, где могли происходить события и что означает то или иное вышедшее из употребления слово.

Надеемся, это поможет лучше понять написанное.

Глава 1. Стервятники питаются стервами...

А приматы чем питаются – Примами?

Каждый среднестатистический человек уникален.

А вот Примы похожи друг на дружку, как слоники на полке этажерки.

Таковыми их делает общая болезнь – зазнайство. Опасная болезнь, быстро превращающая хорошего человека в... не буду писать в кого или во что.

Наша Любовь Петровна Павлинова не исключение.

Багаж может поведать о человеке многое. На пристани мой потертый фибровый чемодан рядом с ее горой кожаных красавцев (каждый – «мечта оккупанта») выглядел даже не бедным родственником из провинции, а облезлой шавкой у лап холеного дога. К тому же у моего предателя в последний момент перестал закрываться один замок, и потрепанное гастрольными испытаниями чудовище пришлось перевязать веревкой. Куда ему до крокодиловой кожи, привезенной Павлиновой в прошлом году из Парижа!

Чемодан пристроила рядом с павлиновскими не я, а костюмерша Любви Петровны Лиза Ермолова, девушка добрая, но скрытная. Она осторожно подвинула мой багаж ближе к примину, за что я была Лизе премного благодарна. Из-за волн, поднятых проходившим мимо судном, пароход вместе со сходнями качался, подниматься на борт, а потом по трапу на верхнюю палубу с чемоданом мне было бы тяжело.

– Куда?! – Павлинова заметила мой багаж вместе со своим в руках матроса. Ее возглас заставил обернуться всех.

Матрос замер, не понимая, в чем дело, а я спокойно пожала плечами:

– Он носит вещи на палубу, Любовь Петровна.

– Там МОИ вещи!

– Там НАШИ вещи, – поправила я Павлинову. – Молодой человек, поставьте вот этот отдельно, в каюту я занесу его сама. Благодарю вас.

Мгновение спустя я оценила нелепость ситуации. Прима намеревалась позировать перед репортерами, но наказала сама себя. Не возмутись она, мой чемодан сочли бы реквизитом, не более того, а теперь объективы фотокамер были направлены на багаж в руках матроса. Можно не сомневаться, что в завтрашних сообщениях об отъезде трупы на гастроли немало внимания уделят перевязанному веревкой фибровому изделию.

Сквозь раздвинутые в вымученной улыбке губы Любовь Петровна прошипела:

– Не могли взять что-то приличней?

Один из репортеров в новеньком канотье (и почему репортеры так любят шляпы-канотье?) старательно конспектировал нашу беседу, потому я сообщила театральным шепотом:

– Он мне дорог как память о Качалове.

Обладатель канотье ахнул, невольно вмешиваясь в разговор:

– Чемодан вам подарил сам Качалов?!

– Нет, – я грустно покачала головой. – Но у Качалова был точно такой.

Прошипев «вечно вы!..», Любовь Петровна бросилась прочь – ближе к трем другим представителям прессы и подальше от меня.

– А... – начал следующий вопрос репортер, но я выразительно ткнула пальцем в сторону Примы, которую уже осаждала решительная громкоголосая девица с огромным блокнотом в руках.

Можно бы рассказать ему о том, что будущая всенародная артистка, а тогда просто Любочка Н., приехала в Москву с куда более потрепанным багажом. Но не стоило портить легенду.

Если фотокамеры и запечатлели мое восхождение на пароход, то только со спины – я не звезда, чтобы освещать фальшивой улыбкой пристань и окрестности.

Может, к лучшему?

Обходиться без совести получается у многих, а вот без денег не удастся никому.

Именно желание подзаработать подвигло большую часть труппы театра на участие в летних гастролях-бенефисе всенародно обожаемой Любови Павлиновой.

Ее любили так сильно, что, играй Любовь Петровна Отелло, зрители охотно согласились бы помочь ей душиť ни в чем не повинную Дездемону. Это один из самых трудных случаев популярности – когда актер не имеет права изменять своему амплуа и вынужден всю жизнь играть отъявленных героев, которых нормальному человеку (часто и ему самому) страстно хочется убить после третьего кадра.

Пинкертон, то есть я

Но популярность нашей Любови Петровны зиждилась на кинофильмах десятилетней давности, где она, хоть и с некоторым напряжением, блистала в ролях юных пастушек и служанок, выбившихся в звезды. С годами держать форму стало тяжело, и актриса благора-

зумно отказалась от бенефисов в столице. Гастроли же обещали выступления в небольших очагах культуры, где одно лишь появление Павлиновой вызывало бурю восторга и никакой критики. Любовь Петровна именovala такие мероприятия «хождением в народ» и устраивала их регулярно.

Остальных соблазнила возможность на халяву проплыть до самого Крыма, получая при этом «гастрольные» помимо отпускных. В конце концов, подавать реплики на выступлениях Павлиновой не столь большая плата за круиз от Верхнепопинска до самого Нижнехрюпинска на роскошном «Володарском», а там и до Ялты.

Если бы мы только знали, во что превратится путешествие! Нет, пароход не пошел ко дну, он и по сей день крутит свои колеса, но ко дну едва не пошла вся труппа.

Все было прекрасно до самых Тарасюков. Павлинова пела, мы дружно подавали реплики во время показа отрывков из спектаклей, потом выходили на поклонны, помогали бенефициантке унести со сцены копы цветы, преимущественно из местных палисадников, и удалялись на «Володарского» – отдыхать до следующего концерта.

Павлинова щедро раздавала поклонникам улыбки, нам – ненужные ей букеты, а Лизе – порции недовольства всем подряд. Зазнайская болезнь не зависит от времени года и места пребывания.

«Володарского» заказали для бенефиса Любви Петровны Павлиновой за его комфорт. Двадцать две каюты первого класса и тридцать четыре второго на верхней палубе были отделаны с настоящей роскошью, которая уцелела, несмотря на боевое прошлое судна, в Гражданскую участвовавшего в перевозке раненых и переброске боевых частей.

Еще девяносто человек могли разместиться в каютах и кабинах третьего класса на нижней палубе.

Сама «виновница» бенефиса располагалась по правому борту верхней палубы в отдельной «каюте для молодоженов» – самой просторной и роскошной.

Хороши были и две столовые с салоном, и душевые с туалетами, даже на нижней палубе каждая каюта имела умывальник.

И мне перепала весьма недурная каюта первого класса, правда, двухместная – на пару с заведующей литературной частью театра Ангелиной Рязской, – чему я была весьма рада: одиночества мне хватало и дома.

Директор гастрольного тура Альфред Суетилов справедливо гордился тем, что сооблазил загодя застолбить это плавучее чудо для труппы театра.

Актеры радовались возможности не только подзаработать, но и пожить в хороших условиях, питаясь «от пуза». Служители муз, если они не имели доступа к спецраспределителям благ и товаров, жили очень скромно и в весьма стесненных условиях. У старых актрис еще оставались запасы каких-то нарядов, тканей, кружев, даже духов и пудры, но бесконечно перешивать платья невозможно, когда-нибудь закончится самая большая коробка с пудрой и выдохнутся остатки самых стойких духов из старинного флакона.

У молодых не было и того.

Но с этим еще как-то справлялись, а вот огромные коммунальные кухни, постоянный гвалт и ругань поссорившихся соседок, необходимость стоять в очередях, чтобы сначала отоварить карточки, а теперь, когда карточки отменили, просто купить продукты, повседневные заботы о пропитании угнетали куда сильнее. Особенно доставалось женщинам, поэтому нынешнюю гастрольную поездку они воспринимали как награду. Не надо закупать продукты, огрызаться на кухне, ломать голову над тем, как протянуть до следующей выплаты и дадут ли какую-то премию.

Премии Суетилов обещал часто, он вообще человек щедрый – сколько надо, столько и пообещает. Выполняет вот только не всегда, иногда делает вид, что не помнит, иногда вызывает к сознательности. Но тут вот пообещал устроить отдых – и устроил.

В Тарасюках концерт получился вполне обычным, разве что местные зрители, поаплодировав и вручив нашей Павлиновой огромный букет, напрочь оголивший клумбу перед Клубом, куда-то спешно переместились – ни зевак у входа, ни навязчивого внимания, до которого так охочи звезды.

Тому причиной оказалось трагическое происшествие.

Первая скрипка оркестра Борис Михельсон уже два дня жаловался на боль в правом боку, а к концу выступления и вовсе не мог разогнуться. Вызванный местный врач определил приступ аппендицита и потребовал срочную операцию. Михельсона увезли в тарасюковскую больничку.

Это неординарное событие (часто ли в Тарасюках удаляют аппендициты столичным артистам?) отвлекло местных почитателей таланта Павлиновой от нее самой. Неблагодарные почитатели устремились вслед за больничным тарантасом с Михельсоном, врачом и директором гастрольного тура Суетиловым, забыв о звезде!

Любовь Петровна, как обычно, задержалась в гримерке, остальные, не дожидаясь парадного выхода Примы, отправились на пристань, погода тому благоприятствовала, и идти не более четверти часа даже мне с моими больными ногами.

Процессия растянулась на полверсты.

Во главе трагик Гваделупов, с годами потерявший надежду стать вторым Шаляпиным, но сохранивший голос, по сравнению с которым громкоговоритель казался шептуном, выводил на все Тарасюки: «На Земле весь род людской...». От мощи гваделуповских легких даже тарасюковские собаки поджали хвосты в своих будках.

В середине импровизированной колонны актер Подкатилов залихватски распевал пионерскую «Взвейтесь кострами, синие ночи», дирижируя себе и нестройному хору хихикающих статисток.

А в самом конце Гришка Распутный, бывший актер, а ныне осветитель, которому в турне делать оказалось абсолютно нечего, убеждал костюмершу Павлиновой Лизу: «Какая ночь, Лиза, какая ночь!» Лиза не возражала. Еще бы, Распутный – это не фамилия, а прозвище, фамилией ставшее, Гришка, помня о прежнем амплуа героя-любовника, умел проникновенно вздыхать, мороча головы барышням. Лиза – барышня неглупая, но влюбчивая, – Гришкиному напору поддавалась, чем лично меня сильно разочаровала.

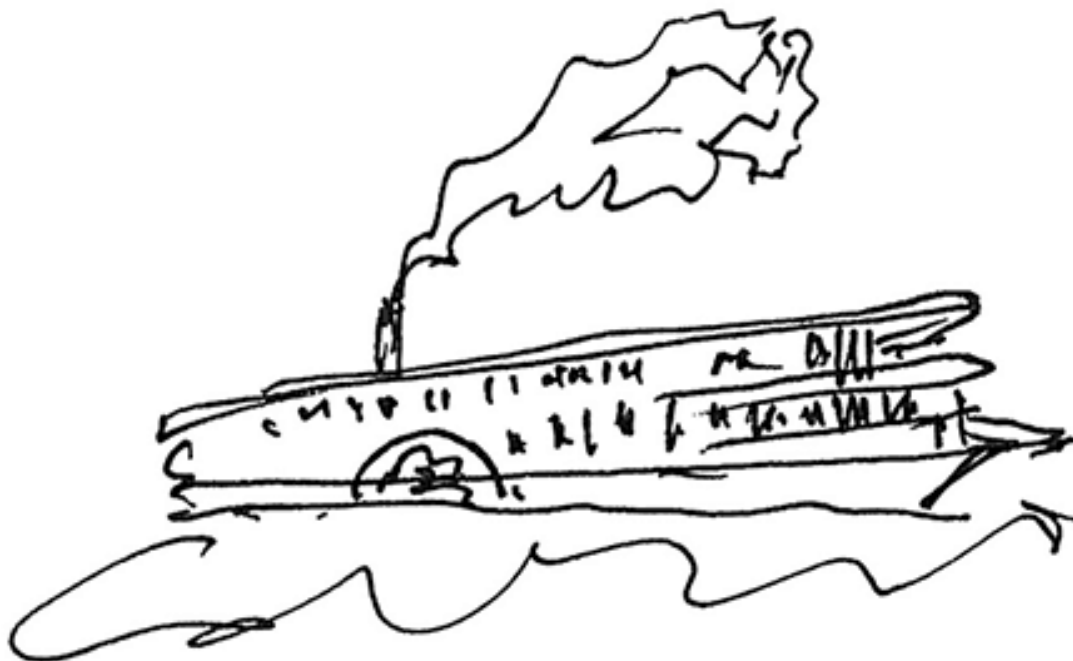
Шумная компания из нескольких десятков человек для Тарасюков сродни внеплановому народному гулянию. Напуганные гвалтом местные жители осторожно выглядывали из-за заборов, крестились вслед столичной вольнице и плотней закрывали ставни и двери своих домишек.

Подкатилов озорно предложил заглянуть к кому-нибудь и попросить водички, но даже статистики благоразумно отказались.

На пароходе как-то сразу разошлись по каютам. Судно оставалось у причала в ожидании директора.

Суетилов, который на гастролях отвечал за все и всех, в том числе за Михельсона, счел себя обязанным мерить шагами крошечный коридор тарасюковской больнички, пока первой скрипке театрального оркестра удаляли аппендицит. Только когда усталый, но довольный хирург объявил, что опасность миновала, директор позволил себе расслабиться и вспомнить о графике движения парохода.

Во времена, когда микрофонов на сцене не было и многие помещения, в которых приходилось работать, не отличались даже сносной акустикой, актерам приходилось рассчитывать на свои голосовые связки, которые берегли. Курили только те, кому не приходилось подолгу напрягать горло во время спектаклей, то есть такие, как я. Большинство же шарахалось не только от папирос, но и от дыма. Потому я частенько оказывалась на палубе «Волodarского» в месте, отведенном для курения, в одиночестве.

«Володарский»

Это была вполне симпатичная скамейка (не знаю, как она там правильно называется) на корме по левому борту. Металлическая урна с песком для окурков и грозный плакат-предупреждение о необходимости тщательно загасить папиросу меня ничуть не пугали. Как и немного криво наклеенная на пожарный щит памятка о вреде курения.

Я покурила, но возвращаться в каюту не стала, слишком хорошей была погода, звездным небо и теплым ветерок. С возрастом начинаешь все острее чувствовать именно такую красоту и ценить мгновения, когда погода – прелесть и почти ничего не болит.

Пароход все еще стоял у пристани в ожидании возвращения из больницы директора гастролей Суетилова. Альфред Никодимович задерживался в тарасюковской больнице.

Наконец он показался на улице, ведущей к пристани, но шел не один. Потом Суетилов рассказал, как обзавелся «приобретением», сыгравшим немаловажную роль в развитии дальнейших трагикомических событий.

Произошло это так.

Заведующий тарасюковским Клубом Пушков, видно, чувствовал себя виноватым, что во вверенном ему культурном учреждении у музыканта случился приступ аппендицита, а потому был готов приложить все силы, чтобы это положение исправить. Но что он мог сделать? В удалении аппендицита помощь заведующего не понадобилась, хирург обошелся без него, хотя товарищ Пушков самоотверженно предложил подержать больного за ногу, чтобы не дрыгался. Это было жертвой, ведь заведующий Клубом странно боялся крови и втайне был даже рад, когда его не только не допустили к ноге Михельсона, но и вообще в операционную. Оставалось ждать, когда потребуется что-то другое, в чем Пушков силен.

Дождь. Меряя крошечный коридор тарасюковской больницы аршинными шагами в ожидании окончания операции, Суетилов на мгновение остановился, задумчиво поскреб подбородок и сообщил сам себе:

— Музыканта не хватает.

Руководитель местной культуры заглянул в лицо столичной знаменитости (это оказалось нетрудно, Пупиков на голову ниже рослого Суетилова):

– Могу помочь.

– Чем? – пожал плечами Суетилов, прикидывая, как убедить дирижера обойтись остающимися скрипками, все равно их никто не слушает.

– У нас ведь тоже есть музыканты, – почти обиделся заведующий Клубом. И под строгим взглядом Суетилова быстро уточнил: – Самодеятельные, конечно, но есть.

Альфред Никодимович, для которого главным было соответствие музыкантов числу заявленных стульев, махнул рукой:

– Давайте ваших самодеятельных.

– Всех?!

– Нет, одного достаточно.

– Кого именно, – Пупиков с готовностью раскрыл перед Суетиловым список.

– Вот этого, – Суетилов просто ткнул пальцем в середину списка из шести фамилий.

Разговаривать в коридоре было неудобно, они вышли на крыльцо. Пупиков подозревал к себе крутившегося тут же любопытного мальчишку и приказал привести Свистулькина:

– Мигом! Одна нога здесь – другая там!

Мальчишка рванул с места так, что только пятки засверкали, однако Пупиков успел уточнить у Суетилова:

– Инструмент брать?

– Да, конечно.

– Инструмент пусть возьмет, слышь? – заорал вслед мальчишке заведующий Клубом.

Через несколько минут, во время которых Суетилов отдавал последние распоряжения персоналу больницы, и без того готовому носить Михельсона на руках до самого выздоровления, послышался топот – это спешил на выручку Свистулькин.

Ростом и статью он больше подходил для роли русского богатыря, чем для игры в оркестре: огромные кирзовые сапоги бухали так, что сотрясались стены больницы и соседних домишек, а пудовыми кулаками вполне можно забивать сваи.

Оделся Свистулькин явно наспех, но старательно: синие штаны заправлены в сапоги, поверх косоворотки синий же коверкотовый пиджак заметно короче ее и... желтый в крапинку галстук, явно приобретенный по случаю у какого-то заезжего гастролера. Не хватало только кудрей, выбивающихся из-под картуза с цветком за околышем. То есть картуз имелся, но пшеничные волосы Свистулькина были отчаянно прямы.

Суетилову наплевать на картуз и даже галстук поверх косоворотки, он коротко поинтересовался:

– Музыкант?

– Ага, – пробасил парень.

– Пошли.

Куда – не сказал, но Свистулькин, видно, был товарищем сознательным и ответственным, вопросов не задавал, сказано идти – потопал следом за Суетиловым.

Вот в таком сопровождении наш директор и появился на пристани, махнул мне рукой, мол, все в порядке, и объяснил дежурившему у сходней матросу, указывая на Свистулькина:

– Замена Михельсону.

Тот согласился:

– Понял. – Хотя наверняка понятия не имел, кто такой Михельсон и зачем нужна замена.

– Все на месте?

И снова вопрос для матроса риторический, он представлял, кто именно должен быть на борту «Володарского», но, окинув беглым взглядом пустую пристань, бодро доложил:

– Все!

– Отправляемся, – облегченно вздохнул Суетилов, знаком приглашая за собой музыканта. – Пойдем покажу тебя дирижеру.

– Ага, – пробасил парень и забухал по трапу на верхнюю палубу так, что та задрожала.

Дирижер театрального оркестра Модест Обмылкин был занят – он метался по кормовой части верхней палубы, где я совсем недавно курила, рвал остатки волос вокруг лысины и патетически вопрошал сам себя:

– Что делать?! Что теперь делать?!

Непосвященному вопрос мог показаться странным, аппендицит не ампутация конечностей, тем более операция у первой скрипки прошла успешно. Но все, знакомые с ситуацией, вполне понимали дирижера.

Михельсон выбыл из строя на три недели, однако заменить его любым другим скрипачом Обмылкин не мог: попав единожды на место первой скрипки, кто же потом освободит? Но и без первой скрипки тоже никак. Зрители, возможно, не заметили бы отсутствия, но сам дирижер был приверженцем классики и не мыслил оркестра с пустующим пюпитром слева от себя.

– Хоть сам садись! – стонал Обмылкин.

Самому не пришлось, Альфред Никодимович подвел к нему встрепанного молодого человека с большим футляром в руках:

– Вот, в тарасюковском Клубе нашли замену.

– А?! – оживился Обмылкин.

Парень протянул ему какую-то бумажку, пробежав глазами которую дирижер даже головой затряс:

– Откуда вы?

Молодой человек пробасил:

– Из Клуба.

– Это я вижу. Но вы же... трубач!

– Ага.

– А мне нужен скрипач. Первая скрипка, понимаете?

– Ага.

Обмылкин подозрительно поинтересовался:

– Вы хоть на скрипке играть умеете?

– Научусь! – бодро обещал трубач.

Дирижер застонал как от зубной боли и продолжил рвать на себе волосы.

Чуть сконфуженный директор, который не удосужился поинтересоваться специализацией самодеятельного музыканта, прежде чем сажать того на «Володарский», отправил парня на нижнюю палубу, где имелись свободные места в каютах третьего класса. Вообще-то, оркестр расположился во втором классе на верхней палубе, но то оркестр...

– Ладно, – махнул рукой Суетилов, – пусть плывет до Гадюкино, там посадим на какой-нибудь пароход, идущий обратно.

Гадюкино было очередной остановкой на пути охвата культурой местного населения, бенефисное представление там предстояло дать в ближайший вечер.

Актеры – совы почти все, да и как быть жаворонком, любящим ранние подъемы, если ложиться спать приходится поздно. После окончания спектакля нужно разгримироваться, добраться домой, а все внутри еще живет чужой жизнью, тело долго не может «выйти из образа», о голове и говорить нечего.

Вот и не спишь далеко за полночь, потом встаешь поздно, снова вживаешься в чужой образ на репетиции, спектакле, а то и просто обдумывая новую роль.

На завтрак собрались, как обычно, после девяти, хотя кок ежедневно умолял начинать хотя бы в восемь. Выступление в Тарасюках не было тяжелым, но происшествие с Михельсоном не позволило успокоиться сразу. Утром переговаривались вяло, и только вопрос Суетилова: «Никто не видел Любовь Петровну?» – заставил чуть встряхнуться.

Также вяло пошутили, что Примама положено лениться дольше остальных.

– Ее нет в каюте.

Дальше события начали раскручиваться почти стремительно.

Любови Петровны и впрямь не было не только в ее «каюте молодоженов», столовой и салоне, но и в душевых, туалетах (пришлось проверить и это), на капитанском мостике, радиорубке, верхней и нижней палубах и даже в машинном отделении.

Нет, мы не искали Павлинову, труппа спокойно завтракала, искали Суетилов и Тютелькин. Директор, поскольку отвечал за всех, а режиссер потому, что заняло под ложечкой – Суетилов ему поручил наше возвращение на «Володарского», пока Михельсону делали операцию.

Я, как и многие, предпочитаю утром вместо каши или яйца всмятку просто выпить чашечку кофе (чтобы иметь такую возможность, мы купили и вручили коку несколько фунтов весьма посредственного кофе, который он честно заваривал по утрам, морщась от неприятного запаха). А после кофе требуется папироса. Снова пришлось выйти на палубу, там приятней, утренний ветерок и все такое... Но покурить удалось не сразу.

Снаружи происходило нечто странное. Во-первых, мы остановились; во-вторых, на воду спустили шлюпку, и в нее, поддерживаемый моряками, осторожно спускался режиссер Тютелькин! Стоило ему коснуться ногами дна шлюпки, как был отдан приказ:

– К берегу!

А на берегу уже стояла пролетка, и извозчик призывно махал рукой.

Сопоставив факты (Павлинова так и не появилась в столовой), я все поняла. Приму забыли в Тарасюках! Ох, не завидую Тютелькину...

Глава 2. Многое в жизни приходится делать добровольно

Это спасло человечество от вымирания из-за лени.

Уодних от рождения головы светлые, у других голоса соловьиные, у третьих руки золотые, а у меня только задница с приключениями. Впрочем, ж... без приключений – всего лишь толстые ягодицы, что, согласитесь, еще обидней...

Вот кто тянул меня вмешиваться?!

– Куда это он?

От такого простого вопроса Суетилов почему-то вздрогнул, словно они с Тютелькиным совершали нечто недозволенное.

– Забыл кое-что в Тарасюках. Догонит. – Директор попытался отмахнуться, но не тут-то было, терпеть не могу, когда мне врут!

– Кое-что или кое-кого?

Пароход дал гудок, что позволило Суетилову сделать вид, будто он не расслышал уточнения. Однако я не собиралась сдаваться:

– Это Любовь Петровну вы потеряли?

Директор нехотя согласился.

– Все обыскали – нет ее на пароходе. Только умоляю, Руфина Григорьевна, молчите. Привезет Тютелькин нашу звезду, прямо в Гадюкино привезет.

Значит, мои подозрения справедливы, Любовь Петровна капризничает. Едва ли Тютелькину удастся быстро уговорить звезду не дуться, даже если пообещает отдать ей заглавную роль юной Клеопатры в новой пьесе. Я с сомнением покачала головой:

– Не успеет. Как там наш Борис Михайлович?

Обсудить здоровье первой скрипки нам не удалось. Попутный ветер хорош для парусников, для пассажиров верхней палубы парохода – это сущее наказание. Дым из трубы первым же порывом развернуло вдоль правого борта, заставив задержать дыхание. Но минуту спустя «Володарский» начал набирать ход, и дым больше не беспокоил.

Зато... этого не могло быть, но это было! Из каюты молодоженов доносился голос Павлиновой – Прима пела: «Ну почему изо всех одного можем мы в жизни любить? Сердце в груди...» Мы наперегонки бросились к каюте. Суетилов оказался проворней.

Рывком распахивая дверь, он вопил:

– Дорогая вы моя! Как вы нас напугали!

Впрочем, последнее «ли» директор произнес уже не столь уверенно.

Дело в том, что Примы в каюте не было, а была ее костюмерша Лиза, которая раскладывала театральные наряды Павлиновой на кровати, чтобы Любовь Петровна могла отобрать то, в чем будет выступать.

– А где Любовь Петровна?

– Не знаю, – удивилась радости директора Лиза. – Я зашла – ее нет, и постель не тронута.

Суетилов сделал мне знак, чтобы плотней закрыла дверь, и строго поинтересовался у Лизы:

– А кто пел?

Девушка пожала плечами:

– Я. Я знаю, что Любовь Петровна не любит, если я пою, но ее же нет. Это не мое дело, но она тут не ночевала. Мне так кажется.

В другое время Суетилов едко заметил бы, что это и впрямь не ее дело. Всем известна его нелюбовь к нарушению дистанции между первым и вторым классами – между элитой и остальными. Хуже только фамильярность между верхней и нижней палубами (на нижней плыла и вовсе «всякая шелупонь», как директор именовал рабочих сцены и иже с ними).

Но сейчас было не до строгой субординации.

– Когда вы видели Павлинову в последний раз? И где?

Лиза снова пожала плечами:

– В Тарасюках. Я помогла ей переодеться после концерта и забрала концертные платья.

– А потом?

– А потом, когда Бориса Михайловича увезли в больницу, я вместе со всеми пошла на пароход.

Теперь Суетилов вместо радости почему-то рассвирепел, даже перешел на «ты»:

– Как могла ты, ее костюмерша, не заметить, что Любовь Петровна не успела со всеми на пароход?!

– Я костюмерша, а не прислуга! – возмутилась в ответ Лиза. – А не успеть невозможно, мы же отплыли почти на рассвете. Она просто капризничает.

Суетилов плюхнулся на кровать, подмяв под себя подол одного из нарядов, который Лиза поспешила вытащить.

Молодец Лиза! Даже маститые актеры вроде Гваделупова не рискуют огрызаться против Суеилова.

Девушка права, «Володарский» после возвращения труппы с концерта простоял еще часа три, а то и больше. Не желая слушать пререкания директора и костюмерши, я выскользнула обратно на палубу и остановилась, опершись на перила.

Пейзажи, видные с правого борта, куда привлекательней тех, что тянутся по левому. По левому все встречные суда, баржи или вовсе пусто, да дальний берег, который толком не разглядишь. Справа же берег недалеко, видны и дома, и причалы, и люди, занимающиеся своими делами. Это как наблюдать чужую жизнь за стеклом – все видно, но ничего не слышно, остается гадать, о чем спорят вон те двое у лодки или что внушает мать ревущему младенцу...

Но я не видела пейзажей, задумавшись над странным отсутствием Павлиновой. Лиза права, пароход отчалил с большим опозданием и теперь наверстывал упущенное. Времени, чтобы добраться до пристани, у Любви Петровны было достаточно. Что-то слишком раскапризничалась наша звезда. Остановка парохода и срыв выступления в следующем городе даже Павлиновой может не сойти с рук.

Я невольно вздохнула: давно ли Любочка была такой простой и скромной? А вот поди ж ты – Прима! И пролетку ей подайте, и ручку предложите, чтобы взойти-выйти, и каюта вон какая, и гримерка непременно отдельная, рядом с другими переодеваться не станет. Быстро слава человека портит...

Вспомнив о каюте, я даже поежилась, хотя ветерок дул теплый и ласковый. Что-то в ней не так. Просторная, роскошно отделанная, иных Павлинова не признавала, а вот обычного портрета Вадима Сергеевича, ее мужа, не видно. Портрет – миниатюра, написанная маслом по заказу, – всегда стоял там, где жила Любовь Петровна. Неужели поссорились, как болтают вокруг?

Подошел и встал рядом Суетилов, вздохнул:

– Лиза права, Павлинова просто закапризничала и отстала. Сидит в Тарасюках, дуется и ждет, когда все сложат к ее ногам.

Он повторил мои мысли, оставалось усмехнуться:

– И ведь никуда не денетесь – сложите.

– Да, какой бенефис без бенефициантки? Хорошо-то как, а? – неожиданно сменив тему, Суетилов кивнул на берег.

Было и впрямь хорошо. Утреннюю прохладу уже сменил полуденный зной, но пока не успел нагреть правый борт слишком сильно. Ладони с удовольствием ощущали тепло поручней, пахло рекой и немного дымом из трубы.

– Скоро Гадюкино, часа через два там будем.

Честно говоря, я уже поняла заботу Суетилова, но беспечно отозвалась:

– Угу.

– Как нам быть без Павлиновой? – Он явно ждал от меня каких-то предложений, но я молчала. Да и что можно предложить? – Там встречу организовали, я знаю. Ждут. Может, сказать, что у нее зуб болит или воспаление среднего уха? Мол, увидите Павлинову на концерте вечером.

– Вы надеетесь, что Тютелькин успеет ее привезти?

– Да! – горячо согласился Суетилов. – Он знает, что нужно спешить.

И все-таки я поддалась и предложила то, чего он от меня ждал:

– Нужно показать им Лизу вместо Павлиновой. Они похожи, если не приглядываться. Пусть издали ручкой помашет.

Оставалось убедить саму Лизу. Но тут мы получили помощь, откуда не ждали.

– О чем тоскуем, господа? – бас Гваделупова прозвучал неожиданно, заставив вздрогнуть. Отнекиваться глупо, и мы признались, что Павлинова осталась в Тарасюках, Тютелькин отправился за ней, а Лизу нужно уговорить помахать ручкой с палубы, изображая Приму.

– Э, нет! Играть так по-настоящему! – Идея пришла Гваделупову по душе, он даже руки потер, представляя, какой урок получит Любовь Петровна, обнаружив, что Лиза приняла все приветствия вместо нее.

– Но о Лизе вы подумали? Во-первых, она не согласится, во-вторых...

Гваделупов не дал мне договорить, возопив, что немедленно убедит девушку сыграть Павлинову и даст соответствующие наставления.

Глядя ему вслед, Суетилов поинтересовался:

– А во-вторых?

– Любовь Петровна ее поездом съест за такую игру.

Честно говоря, я не была столь уверена, что наша костюмерша даст себя в обиду. Они друг дружки стоили: случись любой – Любви Петровне или Лизе – упасть в бассейн с акулой, неизвестно, выживет ли акула.

Директор вздохнул, но с явным облегчением, из чего следовало, что его мало заботят отношения Павлиновой с ее костюмершей и куда больше – необходимость заткнуть образовавшуюся прореху.

Не знаю, что уж там говорил Гваделупов Лизе (когда нужно, он умел говорить тихо, голос рокотал из-за двери, но слов не разберешь), но склонил-таки ее к «игре в Павлинову». Взаимодействие с остальной труппой он тоже взял на себя, нам оставалось только ждать успеха или неприятностей.

Ждать пришлось недолго, капитан со своего мостика крикнул, кивая вперед:

– Гадюкино. Скоро будем.

Очередная «Нью-Москва» действительно показалась на горизонте по правому борту.

Пароход на подходе к пристани, как полагается, дал гудок, с пристани откликнулись, но не сиреной, а мощным исполнением почему-то марша «Прощание славянки». Обычно

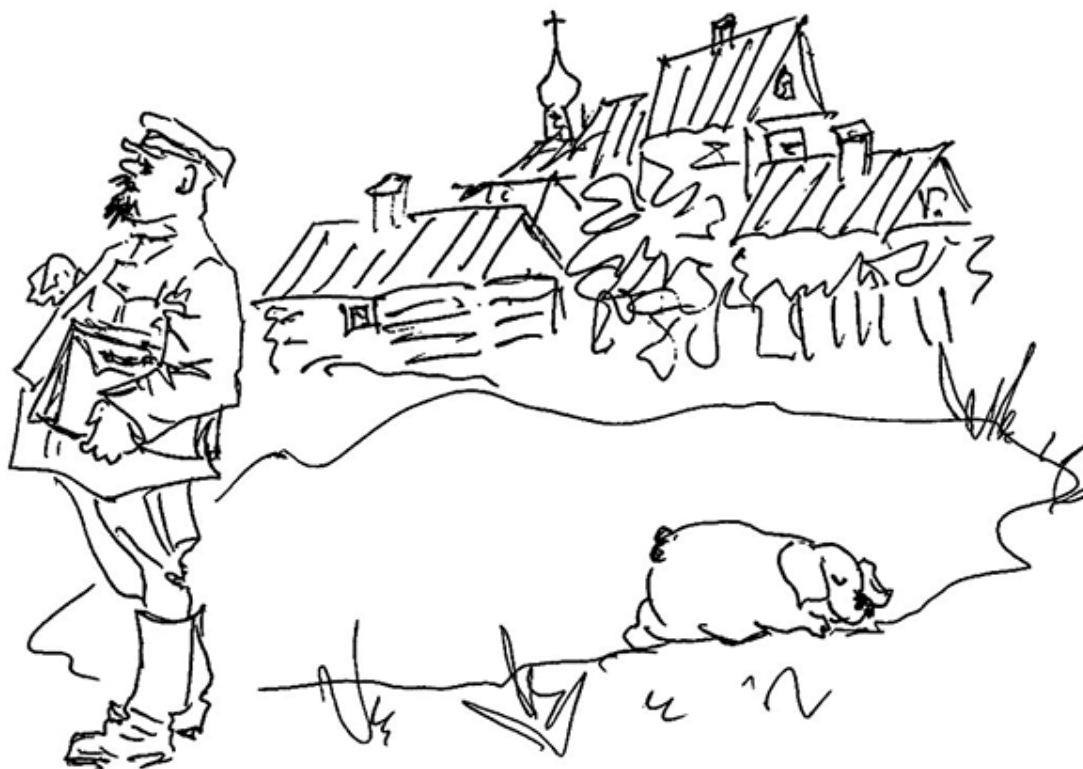
этим маршем провожают, но у местного духового оркестра было не так много мелодий в запасе, чтобы перебирать. Пока причаливали, марш исполнили еще дважды.

Мы с Суетиловым кивнули друг другу, радуясь решению заменить Павлинову Лизой. После такой встречи рассказывать сказки о зубной боли или воспалении среднего уха у Павлиновой было бы просто некрасиво.

Почему-то каждый город чуть больше деревни норовил переплюнуть столицу хоть в чем-то. Причем имперский Петербург перешеголять почему-то не пытались, а вот добродушную матушку-Москву – все и каждый. Возводились ненужные общественные здания, ставились огромные памятники неизвестно кому, переименовывались улицы и переулки, а то и сами города.

Гадюкинцы вознамерились перешеголять всех. Не имея возможности вознести к облакам небоскреб и не найдя боевых предков, коим стоило поставить гигантский конный памятник (а маленькие безлошадные гадюкинцев никак не устраивали), жители решили напомнить о себе проплывающим мимо пароходам агитационным методом.

По обе стороны от пристани на берегу были установлены огромные буквы: ГАДЮКИНО. Это бы ничего, но кому-то пришло в голову, что и приплывающие со стороны Тарасюков должны читать название по ходу движения, то есть справа налево. Потому второй ряд букв вверх по течению от пристани выглядел так: О Н И К Ю Д А Г. Загадочный ОНИКЮДАГ не раз приводил в смятение незнакомых с местным чудачеством пассажиров, а капитаны судов постепенно привыкли.

Гадюкино

К тому моменту, когда пароход пристал и опустили сходни, Лиза была готова. Ее опекал Гваделупов, то и дело перемигивающийся с актерами, которых он явно успел посвятить в аферу. Короля играет свита, а наша труппа старательно «играла Павлинову», то и дело слы-

шалось: «посмотрите, Любовь Петровна», «позвольте вам предложить, Любовь Петровна», «как вы полагаете, Любовь Петровна?». Никогда с самой Павлиновой не были столь предупредительны и даже рабски угодливы. Первые минуты Лиза смущалась, но потом... Я даже головой покачала: а она прекрасная актриса, поскольку сыграла роль королевы блестяще. Настоящая Прима, ничего не скажешь!

Суетилов даже хохотнул (впервые за последние сутки):

– Ты смотри, какая фифа!

Сколько в провинции погибло светлых умов и талантов – нью-Кулибиных, Менделеевых, Репиных или Гоголей! Сколько вечных двигателей, новых химических элементов, гениальных картин и даже третьих томов «Мертвых душ» пропало втуне во дворах, на чердаках и подвалах домов в городишках, подобных Гадюкино, Революционерску (бывшему Поповкину) или Верхне-Профсоюзову (Еремеевке)!

Впрочем, может, и не пропали? Изобретатели, художники, поэты и иже с ними были счастливы, создавая свои шедевры, – а это главное.

В повседневной жизни творец будущего эпического полотна «Трудящиеся Гадюкино пишут телеграмму пролетариям всего мира» художник-самоучка Сурикович был вынужден рисовать вывески для лавок и парикмахерских, а также пользующиеся неизменным спросом пейзажи с лебедями на пруду. Несмотря на спрос, следует признать, что лебеди удавались товарищу Суриковичу хуже, чем изображение телеграммы на будущей картине. Их силуэты больше напоминали цифры «2» с оперением, но раскупались лучше некуда – по полтиннику за пару птиц. Однажды он, стремясь побольше выручить, переусердствовал и нарисовал целую стаю, но лебеди слились в одно белое пятно. Картину со стаей никто не купил, пришлось закрашивать. Сурикович сделал вывод, что искусство с наживой не совместимы, и с тех пор не гонялся за большими деньгами, а тех, что были, хватало на скромную жизнь и на краски для будущих шедевров.

Кому еще руководство Гадюкино могло поручить создание приветственного плаката в честь прибытия столичных знаменитостей?

Товарищ Сурикович подошел к делу с привычным для него размахом. Уездное начальство сначала искренне удивилось, выписывая художнику наряд на два ведра красок, каждого из пяти цветов (заборы Гадюкино остались некрашеными до следующего года), потом ужаснулось, узрев размеры создаваемого шедевра, а потом сообразило, что приветственное полотно как нельзя лучше закроет собой огромную лужу подле пристани. Лужа эта была неистребима, она не высыхала даже за лето при полном отсутствии дождей. Нэпман Хваталов пытался продавать грязь из нее, объявив лечебной. Но местным грязи хватало в собственных дворах, а в чужих странах о гадюкинской луже пока не ведали и делегации за гадюкинской грязью не присылали. Лечебная грязь доставалась местным свиньям и явно способствовала их оздоровлению.

На огромном приветственном полотне (кстати, написанном на обороте будущей картины про телеграмму пролетариям) имелось все: собственно приветствие, трудовые будни гадюкинцев, начальство собственной персоной и даже знаменитые лебеди в ярко-синем пруду. Фигура начальства вышла несколько кривоватой, местные жители слишком тучными, но за дорогих сердцу лебедей Суриковичу простили недочеты.

Гадюкинское начальство в окружении счастливо улыбавшихся жителей встречало нас подле картины.

Когда оркестр в очередной раз отыграл «Наш паровоз вперед лети» и замолк, глава местной администрации выступил вперед для приветственной речи. В это мгновение произошло что-то непонятное – вместо голоса тучного чиновника с портфелем под мышкой мы услышали хрюканье, истошный вопль «ой-ой-ой!» и... грохот падающей в лужу картины.

Из-под рухнувшего эпического полотна с изображением Гадюкино поспешно выбрались две тощие грязные свиньи и метнулись прямо под ноги главе администрации. Тот взвизгнул неожиданно тонким голосом «Держи их!» и бросился выполнять собственное распоряжение. Толпа гадюкинцев, забыв о нас, последовала его примеру.

Следом за свиньями из-под рухнувшего эпического полотна вылез не менее грязный и тощий автор и принялся зло пинать опору. Оказалось, картина держалась не очень крепко, Суриковичу даже пришлось подпирать ее собственным плечом, а когда местные свиньи, принимавшие грязевые ванны, вдруг заинтересовались происходящим на дороге и подрyli столбик, сооружение рухнуло.

Давно мы так не смеялись.

Потом было все: и приветственные речи, и цветы, и подарки, в основном столь же нелепые, как изделие Суриковича...

Происшествие сыграло на руку нам, позволив Лизе изобразить Павлинову без особых стараний. Просьбе Альфреда Никодимовича перенести начало концерта на час позже гадюкинцы отказать не посмели. Мы вернулись на пароход и смогли перевести дух до самого выступления. Теперь оставалось ждать приезда Тютелькина с Павлиновой.

Чтобы не маяться ожиданием (хуже нет – ждать и догонять!), мы с Гваделуповым отправились обозревать местные достопримечательности. Таковых не было только с точки зрения придирчивых снобов. При желании в каждом уездном городе (и не только уездном или губернском, но и в самой столице) можно найти столько занятного, что лишь успевай примечать или записывать. Гваделупов предпочитал второе, при нем всегда имелся карандаш и старый блокнот.

Обожаю читать вывески и объявления. Иногда кажется, что те, кто их создавал, не дружат с умом. Первое же объявление на пристани, гласившее: «Посадка пассажиров на пароходы начинается за 30 минут до их прибытия», вызвало гомерический хохот Гваделупова, который повторялся еще не раз за время нашей прогулки. Объяснение матроса на пристани все расставило по местам: на причал провожающих не пускают, их предпочитают отсеивать заранее. Таким образом, за полчаса до очередного парохода начинается пропуск пассажиров через небольшую калитку-накопитель, который у местных так и называется – «посадка на пароходы». Обойти ограждение ничего не стоит, но гадюкинцы – люди ответственные, предпочитают стоять в очереди, которая, впрочем, не бывает длинней пяти-шести человек.

На главной улице (как водится, проспекте Коминтерна) в окне старого магазина висело пожелтевшее от возраста и посеревшее от пыли свадебное платье, а вывеска у входа сообщала: «Лучшие в городе свадебные платья и фаты. Постоянным клиенткам – низкая цена». Меня впечатлили «платья» и «фаты», а Гваделупова – низкая цена постоянных клиентов.

Вообще, тема бракосочетания явно была в Гадюкино актуальна, как и похоронная: магазинов и контор, предлагающих товары и услуги подобного рода, мы встретили еще немало.

«Шью свадебные фраки и похоронные костюмы на заказ. Срок вместе с примеркой – две недели».

Контора, называвшаяся «Торжество», на своей вывеске предлагала организовать свадьбу или похороны по выбору заказчика и сообщала, что оркестр уже входит в оплату.

Остолбенели мы у конторы с вывеской «Заказные убийства». Даже не сразу увидели, что ниже более мелким шрифтом старательно выведено: «Мыши, тараканы и прочее». Еще ниже кто-то от руки приписал: «Тещи, родственники, соседи...»

Объявление у конторы местной страховой компании убеждало: «Опасайтесь арфистов и мошенников». Нам понадобилось некоторое время, чтобы понять, что аферистов спутали с арфистами.

По поводу такого объявления: «ПВВ торгую днем и ночью» – пришлось обратиться к местному жителю за консультацией. Тот махнул рукой:

– Это баба Клава.

– Чем торгует-то?

Мужик нашей недогадливости удивился:

– Написано же: пиво, вино, водка.

Гваделупов, в восторге от местного творчества, был готов расцеловать любого горожанина, если бы те не жались опасливо к заборам при виде его мощной фигуры и при звуках громоподобного голоса.

– Я в Тарасюках плакат видел, откуда-то привезли и гордились им: «Переходя улицу, оглядись, чтобы не попасть под машину!»

– И что в этом такого?

– Где в Тарасюках машины?

Он прав, в Тарасюках не то что автомобиля – извозчика не увидишь, в лучшем случае лошадь с телегой, опасаться которых при переходе улицы, конечно, стоило, но не так уж сильно.

Вернулись на пароход в прекрасном настроении и очень Гадюкиным довольные. У самой пристани актер обратил мое внимание на вполне привычную глазу вывеску: «Живые раки». Что в ней удивительного? Большущий рак выполз вперед, а из-за букв выглядели вполне натурально (лучше лебедей) изображенные красные чудовища с клещами.

– Что не так?

– Руфа, какого цвета живые раки?

Я задумалась.

– Вообще-то, темные.

– Бывают даже голубые, – согласился Гваделупов. – Но краснеют раки только при варке. Живых красных раков не бывает.

Он прав, на всех вывесках, этикетках или ценниках, где изображаются раки, они непременно красные и шевелящие клешнями. Но я все равно фыркнула:

– Не придирайтесь.

Через час, когда мы с Суетиловым снова стояли на палубе, созерцая гадюкинские пейзажи, радист парохода принес телеграмму и, передавая директору, чуть смущенно признался:

– Я... это... оно так и было передано.

Директор развернул сложенный листок, прочитал текст, кивнул:

– Все правильно.

Радист отправился к себе с застывшим на лице недоуменным выражением. Дело в том, что текст, присланный Суетилову от режиссера Тютелькина из Тарасюков, гласил: «Корзинка пуста. Продолжаю прополку».

– Не нашел, – вздохнул директор. – Может, разминулись?

– Едва ли, здесь не десять дорог и даже не две. Обиделась наша Любовь Петровна и где-то прячется.

– И что теперь делать?

Вопрос резонный. Выступление через три часа, даже если его еще задержать, положения это не спасет. Объявить, что Павлинова внезапно потеряла голос или подвернула ногу? Что у нее тоже приступ аппендицита или коклюш с ветрянкой заодно? Но вон она, больница, покрепче тарасюковской. Вмиг пришлют целую толпу врачей.

Выход был один, но такой, озвучивать который опасались мы оба.

Решилась все же я, как лицо безответственное, то есть не отвечающее ни за что:

– Пока Тютелькин найдет Павлинову, Лиза должна заменить ее во всем!

– Но это...

– У вас есть другой выход?

– Сможет ли?

Поразмышляв несколько мгновений, я кивнула:

– Она возле Павлиновой все время, тексты песен знает, поет хорошо. А отрывки из спектаклей... Нужно посмотреть, что можно сделать. Поговорите с Лизой, а я с Гваделуповым и остальными.

Так началась основная часть нашей аферы по замещению Павлиновой. Мы хотели как лучше. Во-первых, зрители ждали встречи с народной артисткой, во-вторых, почему бы Любовь Петровна ни отстала, пропуск выступления мог для нее плохо закончиться, обвинение в нарушении трудовой дисциплины и выговор – самое малое, что Павлиновой грозило. Конечно, уволить ее никто не решился бы, но неприятностей не оберешься.

Все понимали, что неприятности у Примы будут обязательно, но хотя бы срыва концерта удастся не допустить. Знать бы нам тогда, к чему все это приведет и что произошло в действительности!

Дворец культуры в Гадюкино имел право так именоваться, если его сравнивать с тарасюковским.

В Тарасюках культура размещалась в бывшем доме купца Поросятникова. Не купец был, а так, купчишка, потому и одноэтажный дом не лучше. Зрительный зал размещался в бывшей «бальной зале», которая больше напоминала конюшню с разрушенными стойлами. Сцена, сооруженная наспех с расчетом переделать позже, ждала переделки уже лет десять и скрипела при каждом шаге артистов, иногда заглушая голоса.

Гадюкино куда крупней, и Дворец культуры в нем помещался в «барском доме» с колоннами и пятью широкими ступенями ко входу. Когда-то слева и справа подле ступней сидели львы, больше похожие на разъявшихся котов, но в волнах революции и НЭПа один из львов утонул, а второй валялся в кустах по соседству без малейших шансов вернуться на свой пост. Гадюкинцы больше любили белых лебедей с картин Суриковича, чем жирных котов, которых и по домам пруд пруди.

Барским двухэтажный особнячок не был никогда, он тоже принадлежал местному купцу, но купец тот был зажиточным и все делал с размахом. Садков, как именовался владелец половины Гадюкино, утверждал, что его предок – сам Садко из «ентой спиктакли», мол, потому и хватка такая. Про кого попало в столицах песни со сцены распевать не станут.

Гадюкинцы с уважением относились к родословной Садкова, но еще больше к его богатству – купец и впрямь владел половиной городка, это он вложил средства в пристань, гонял по Волге множество пароходов и поставил огромные, ныне рухнувшие склады. Садков даже вознамерился переименовать Гадюкино в Садковск, но не успел – грянула советская власть. Не зря купец славился своей хваткой, он не стал бежать, как все, а спокойно распродал свое имущество, прихватив немалый куш и чужого, и только после этого исчез, оставив лишь постройки и смутные воспоминания о тороватости.

Когда местные любители чужого уверовали, что Садков исчез если не навсегда, то надолго, и решили, что его владения пора грабить, обнаружилось, что грабить нечего.

– Все ограблено до нас, – развел руками заводила.

Он ошибался: ограбления не было, Садков лично вывез из своих складов и из особняка все ценное. Кое-что позже обнаружилось в домах зажиточных гадюкинцев, но те клялись, что купили шедевр у Нила Егорыча за два рубля с полтиной золотом (или иную сумму в зависимости от ценности вещи).

Все верно, для уезжавшего Садкова золотые монеты были важнее гипсовых упитанных уродцев, изображавших мраморных купидонов, или картины «Взятие Бастилии», на

которой сама Бастилия, почему-то со средневековыми башенками и развевающимися флажками, была далеко на заднем плане, а на переднем присутствовала знаменитая Свобода со знаменем в руке и обнаженной грудью. Местный дьячок, видя эту Свободу, неизменно плевался и крестился, а когда никого рядом не было, осторожно тыкал ей в грудь крючковатым пальцем, словно убеждаясь, что женщина нарисована.

Особняк дорого отапливать, и его отдали культуре. Сами культурные труженики занимали две небольшие комнатки в пристройке, где проводили холодное время года преимущественно подле печки-голландки в мечтах о развитии искусства в родном городе.

В большом зале с осени до весны показывали только кино, он даже в лютые морозы нагревался дыханием зрителей, которые приходили в тулупах и валенках, а к концу сеанса разболакивались. Летом же, когда топить не нужно, культура расцветала, в зале проводились лекции и диспуты на самые разные злободневные темы от скорой гибели мирового капитализма до того, будут ли при коммунизме варить щи или станут питаться диковинным бланманже.

Обо всем этом разузнал Гваделупов, обстоятельно побеседовав за кружкой пива и блюдом вареных раков с пожилым матросом, принимавшим канаты на пристани.

Вот в таком «очаге», отставшем от столичной жизни лет на десять, Лизе предстояло дать первый концерт.

Пела Лиза неплохо, честно говоря, даже лучше самой Любови Петровны, а вот играла... Лучше бы не играла совсем. Лиза знала текст, как выяснилось, помнила все мизансцены, реплики партнеров, но сама стояла столбом, с интересом наблюдая, как другие вокруг нее играют. Актриса из нее получилась никудышная, ее способности дальше изображения Примы не простирались.

Тогда решили каждый песенный номер исполнять на бис хоть по три раза, а сцены из спектаклей сократить. Зрители не заметили, их мало привлекали сцены из «Чайки» или «Бесприданницы», но куда больше вокальные номера Лизы и Гваделупова. Это была находка дирижера Обмылкина, Модест Семеныч предложил нашему трагику покорить сердца гадюкинцев своим басом.

Обмылкин решился на это на волне эйфории от другой удачной находки. До сих пор его главной задачей было найти замену Михельсону. Присланный тарасюковской самодеятельностью Василий Свистулькин оказался трубачом и в качестве не только первой, но и последней скрипки не годился. Прометавшись большую часть ночи без сна, дирижер выскочил на палубу с первыми лучами солнца, разбуженный звуками трубы, – Свистулькин приветствовал утреннюю зарю сигналом побудки.

– Вы фальшивите! Фальшивите! – Обмылкин кубарем скатился к Василию и напел ему место, где Свистулькин брал на полтона ниже, чем нужно.

Тот быстро схватил замечание и исправил. Оказалось, что он и нотную грамоту не знает, все играет на слух. Зато слух у Свистулькина великолепный, и память тоже. Остальные пассажиры «Володарского» были разбужены игрой Василия, которой дирижировал лично Модест Обмылкин.

Когда Суетилов заикнулся о том, чтобы пересадить Василия на встречный пароход, Обмылкин закричал, что только через его труп:

– Он великолепный трубач, и он останется в оркестре!

На вопрос о первой скрипке Модест Обмылкин заявил:

– Черт с ней! Я лучше обойдусь без нее.

Василий поплыл с нами дальше, но жить остался в каюте третьего класса, не пожелав переселяться на место Михельсона. Он снял картуз и галстук и взамен сапог переобулся в ботинки, взятые у кого-то из пароходной команды. Команде Свистулькин понравился, над ним взяли шефство, снабдив всем необходимым. В составе оркестра Василий все же не выходил, но составил пару Гваделупову.

Василий на слух легко наиграл мелодии исполняемых Гваделуповым песен, и они составили уникальную пару – бас трагика и бас трубы Свистулькина. Зрителям очень понравилось, они решили, что для столицы это нормально – петь романсы под аккомпанемент трубы.

Позже он сыграл значительную роль во всей истории, я так и не смогла понять, хорошо или плохо, что Вася вообще появился на «Володарском».

Концерт в Гадюкино удался, несмотря на почти полное бездействие остальной труппы. Лизе вручили невероятных размеров веник, собранный с палисадников всего города, даже Гваделупову и Свистулькину перепало по букету.

Суетилов был доволен, он беспрестанно похихатывал и потирал руки:

– Михельсона заменили. Павлинову и ту заменили!

Лиза, несмотря на настоящий успех, выглядела мрачно, лучше директора понимая, чем обернется замена лично для нее.

Я в качестве бездельницы наблюдала за этим торжеством абсурда со стороны, размышляя, что будет, когда придет настоящая Павлинова. Не может же Тютелькин не убедить ее в опасности такого поведения. Суетилов договорился, что пароход у гадюкинской пристани задержится, чтобы Тютелькину и Любви Петровне не пришлось догонять нас в следующем городе.

Догонять не пришлось, пролетка с Тютелькиным показалась, едва мы успели вернуться с феерически успешного концерта. Он приехал не один, но...

Глава 3. Убить талант обычно куда легче, чем его обладателя

Причем у одного обладателя можно убить сразу несколько талантов, а наоборот – никак.

Любови Петровны с Тютелькиным не было!

Зато имелся рослый молодой человек в милицейской форме, складки которой он то и дело тщательно расправлял.

Суетилов даже голос потерял, осознав, что Любови Петровны нет.

– Где Павлинова? – театральный шепот звучит громче того, что сумел выдавить из себя директор.

Тютелькин с трудом взобрался по трапу на нашу палубу, остановился, переводя дух, и также шепотом ответил:

– Не знаю. Нет! Все обыскали, нет Павлиновой. Я думал, она вас сама догнала.

Следом за ним поднялся тот самый молодой милиционер.

Товарищ Проницалов

– А это? – директор указал глазами на юношу.

– Это Проницалов, тарасюковский милиционер, никого другого не было.

Молодой человек в очередной раз одернул складки у гимнастерки и козырнул, представляясь:

– Милиционер Проницалов. Что у вас случилось?

Директор честно признался:

– Черт его знает!

На что милиционер бодро пообещал:

– Разберемся.

Эти тарасюковские не унывают вообще? Свистулькин пообещал к утру научиться играть на скрипке; правда, не научился, но дирижера очаровал. Этот обещает разобраться... Интересно, кем он останется работать при Суетилове? Гоня от себя нелепые мысли, я отправилась в каюту. В конце концов, какое мне дело, кто играет на трубе или в чем разберется Проницалов?

Несмотря на позднее время, отдохнуть не удалось, и дело не в бессоннице. Проницалов слово сдержал, вернее, попытался сдержать – он начал разбираться немедленно. Не успевшая успокоиться после выступления труппа была собрана в салоне. Одним из последних туда вошел чувствующий себя именинником Гваделупов. Он что-то напевал, словно прочищая ставшее вдруг таким ценным горло.

– Товарищи, – обратился к нам Проницалов, – я по поводу отсутствия товарища Павлиновой Любови Петровны 18. года рождения.

Не вникнувший в ситуацию Гваделупов возопил своим громовым голосом:

– Какого отсутствия? Нет никакого отсутствия!

Проницалов оживился:

– Вы знаете, где товарищ Павлинова?

Я, понимая, что актера просто не успели предупредить, старательно подмигивала ему, глазами показывая на форму Проницалова, мол, милиционер же! Гваделупов все понял, только в обратном смысле, и продолжил ломать комедию:

– Вероятно, у себя.

– Вы ее видели? – в голосе Проницалова слышалось сомнение, но еще больше в нем было подозрительности.

– Да, конечно!

– Когда?

Гваделупов, уже уловив какое-то смущение вокруг, попытался вопросительно просигнализировать мне: мол, что случилось? Я, не зная, как дать ему понять, отрицательно покачала головой. Это перемигивание заметил Проницалов и воззрился теперь на меня:

– В чем дело?

Гваделупов решил принять огонь на себя и возопил уже в полный голос:

– Конечно, видел! Только что, вот буквально минуту назад. – И уточнил, честно глядя в глаза обернувшемуся к нему Проницалову: – Ручку целовал лично.

– Какую ручку целовали?!

– Пожимал. Павлиновой ручку пожимал. Как товарищу по сцене.

Подкатил, не выдержав, упал в кресло, за ним рассмеялись еще несколько человек, а совсем сбитый с толку Проницалов повернулся ко мне. Пришлось объяснять:

– Товарищ Гваделупов имел в виду очень похожую на Любовь Петровну нашу костюмершу Елизавету Ермолову. Вот она, убедитесь сами.

Вероятно, Проницалов на концерте не был и, как выглядит Павлинова, не знал, облик Лизы ему никого не напомнил. Но по тому, как вокруг закивали, он понял, что я не обманываю, тем более Гваделупов, до которого наконец дошло, что игра закончилась и пора говорить правду, снова подал голос:

– Конечно, я говорил о Лизе! Она же двойник Павлиновой, разве вы не видите? Мать родная спутала бы. Она их и путала. – Встретившись с недоуменным взглядом Проницалова, быстро уточнил: – В детстве. На фотографиях.

О детстве и фотографиях Проницалов поинтересоваться не успел, Гваделупов махнул рукой: «А!.. Разбирайтесь тут сами!» – и удалился уже без пения.

Никто ничего сказать толком не мог, мы все были уверены, что Любовь Петровна запризначала и осталась в Тарасюках, а потому не задумывались, что не так. Было решено до утра разойтись и все, что вспомним, подробно записать, а записки передать товарищу Проницалову.

Подкатилов поморщился:

– Терпеть не могу эпистолярный жанр.

Я поддержала:

– Действительно, не проще ли рассказать, если что-то вспомним?

Проницалов согласился выслушать наши откровения утром. Но утром мы прибывали в Малозаседателево, теперь Суетилова и Тютелькина волновал вопрос о замене Павлиновой Лизой куда сильнее, чем даже вчера.

Актеры вернулись в каюты, а начальство осталось с милиционером обсуждать создавшуюся ситуацию. Перед уходом я тихонько поинтересовалась у Тютелькина:

– Где Вы его взяли?

Тот махнул рукой:

– В Тарасюках других не было. Он всего третий день как при должности. Старший у тещи в деревне, вернется только через два дня. А этот сам напросился. Как увидел, что я кого-то разыскиваю, поднял на ноги весь городишко. Но никто Любовь Петровну не видел. Ее правда нет в Тарасюках, мы даже в колодцы заглянули.

– О господи!

Тютелькин вздохнул:

– Вот именно...

Не мог же человек, да еще такой, как наша Любовь Петровна, которая себя в обиду не давала никогда, просто взять и испариться на солнышке? И стечь лужей, как снежная баба тоже не могла.

До следующей остановки милиционер Проницалов успел поговорить с директором и режиссером, отказавшись брать на себя ответственность за замену Павлиновой ее костюмершей Лизой, но и не запрещая этого, а также опросил большую часть артистов. Не узнав, впрочем, ничего нового.

Главный вопрос – куда пропала Любовь Петровна – остался без ответа.

Все почему-то были убеждены, что Павлинова садилась на пароход, но никто не видел, как и когда. Заявления разнились от «кажется, да» до «кажется, нет».

Я прекрасно понимала, что бравый милиционер не потерпит вмешательства в расследование, потому задала риторический вопрос, не обращаясь ни к кому:

– А ее вещи целы?

Проницалов в сопровождении Суетилова помчался в каюту Любви Петровны. Тютелькин поинтересовался у меня:

– Есть какие-то сомнения?

– Мы побывали в ее каюте, когда слышали пение Лизы. Знаете, там нет портрета Вадима Сергеевича. Это странно.

Следом за милиционером и директором побежал режиссер, а за ним я.

Я права, миниатюры действительно не было, это необычно. Но не было и знаменитого кожаного парижского чемодана Любови Петровны. Тютелькин, не задумываясь, ахнул:

– Ее убили из-за этого кожаного чемодана!

Я вспомнила стоимость нарядов и украшений Павлиновой, которые могли находиться внутри – это в десятки, если не сотни раз дороже самой крокодиловой кожи с медными накладками, – и согласилась:

– Да, а труп закопали.

– Где?! – ахнул начинающий сыщик из Тарасюков.

Мне очень хотелось сказать, что в угольном трюме парохода, но я испугалась, что рьяный следователь вынудит команду кочегаров вручную перебрать весь уголь, потому пришлось ограничиться кратким:

– Слева по борту.

– Но там вода!

– Молодой человек, простите, товарищ милиционер, вода, как известно из детективов, лучшее место для того, чтобы спрятать туда концы. Вот у Агаты Кристи... Вы помните Агату Кристи? – Я вознамерилась прочесть ему лекцию об английской литературе преимущественно детективной, но вдруг решила ограничить свое выступление простым напоминанием, что портрета не было утром, следовательно, он мог пропасть только ночью.

– Я понимаю, бриллианты Любови Петровны, но кому нужен портрет Вадима Сергеевича? Думаю, загадка в этом. – Тогда я еще была способна смеяться.

Проницалову было наплевать на портрет, Агату Кристи и даже бриллианты, на него магически подействовало слово «труп». Из чего я заключила, что мечтой Проницалова было раскрыть какое-нибудь невероятное убийство, чего ради он и стал милиционером. Теперь, если Любовь Петровна догонит нас живой, Проницалов скорее лично обеспечит труп слева по борту, чем упустит возможность расследования. Деятельный мечтатель при должности – сущее наказание. К счастью, Проницалов не производил впечатление дурака-службиста, не то трупов за левым бортом значительно прибавилось бы из числа сошедших с ума актеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.